

ЗАЩИТА ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ КАК ОСНОВНАЯ ФУНКЦИЯ ЧЕРНОЙ СОТНИ

Рассматриваются вопросы, связанные с защитой черносотенными организациями первенствующего положения Русской православной церкви в дореволюционной России (1905–1917 гг.). Противодействие крайне правых попыткам либерально-революционного лагеря ввести в стране режим свободы совести обуславливалось консервативной сущностью черносотенной идеологии, стоявшей на защите христианской и национальной традиции. Приводится система аргументации правомонархистов по сохранению незыблемого положения РПЦ и их предложения по реформированию РПЦ.

Ключевые слова: черная сотня; крайне правая идеология; Русская православная церковь; консерватизм.

Название «черная сотня» стало собирательным для нескольких десятков союзов и организаций, действовавших на политическом поле России с начала XX в. и до 1917 г. включительно. Наиболее заметными среди них были Союз русского народа, Русское Собрание, Русская монархическая партия, Союз им. Михаила Архангела и Союз русских людей, объединившие многомиллионные массы в защите традиционных устоев, выраженных в формуле «Православие, самодержавие, народность». В послереволюционное время крайне правое движение проявило себя единственной политической силой, открыто вставшей на защиту первенствующего положения РПЦ, противопоставив секулярному вызову национальные духовные принципы. Проведенный черносотенными идеологами анализ причин революции показывал, что устои самодержавия были поколеблены растущим безверием населения и образованной его части. Благодатной почвой для распространения революционных и либеральных учений стал отход от православия, которое захватило, по выражению монархической прессы, «столь громадное число образованных русских людей, да и не только образованных...» [1].

Исходя из черносотенного определения русского народа по принадлежности к православной вере, вопрос его сохранения напрямую был связан с укреплением религиозности. Крайне правые исходили из убеждения, что аутентичность русского народа будет сохраняться до тех пор, пока в обществе доминирует православие, с ослаблением которого наступит неизбежный конец самодержавию, а затем и духовная деградация народа. Вне сильной авторитарно-монархической системы перспектива русского духовного самосохранения казалась, по меньшей мере, проблематичной. В связи с этим черносотенцы предлагали реализовать следующую систему мер: восстановление первенства РПЦ и нейтрализация любых попыток подрыва ее доминирующего статуса. Защита православия была внесена в программы всех без исключения правомонархических организаций. В утвержденной в апреле 1907 г. программе Союза русских рабочих людей в концентрированном виде была выражена разделяемая всем крайне правым лагерем позиция: «...неуклонно поддерживать искреннюю веру и церковь Православную; защищать церковь и все ей принадлежащее от посягательств ее врагов» [2]. В многочисленных решениях съездов подробно прописывался комплекс мер по усилению влияния РПЦ в обществе, созданию православных братств, учреждению издательств, выпуску историко-религиозной литературы.

Требование первенства православия и недопустимость отделения церкви от государства проистекали из

базисного положения русского консерватизма о православном характере российского государства и его историческом союзе с РПЦ. Определяя необходимый статус церкви, черносотенцы употребляли термин «первенство», реже – «господство». В контексте консервативных взглядов черной сотни первенствующее положение православия обеспечивало духовно-идеологическую цельность государства, одновременно являясь религией, во-первых, «национальной» («хранительница русских национально-государственных начал») и, во-вторых, «державной» (как гарант единого духовного пространства многонациональной империи). Причем оба качества взаимно друг друга дополняли. Исходя из концепций органицизма и самобытного развития общества, государственные прерогативы Русской православной церкви (монополия на публичную проповедь и миссионерство) обосновывались черносотенными идеологами как религиозными аргументами, так и политическими. К ним, в частности, относились:

1. Единство русского государства и РПЦ базировалось на иррациональном утверждении, являвшемся предметом веры о том, что Православие есть истина. Русский народ связан не просто с христианством, а с православием, которое есть «вселенская, божественная и единая непреложная истина Христова над всеми религиозными лжеучениями» [3].

2. Первенство в силу принадлежности к ней создателя государства – всего русского народа во главе с Государем Императором. В программе Союза Михаила Архангела исключительное положение православия мотивировалось тем, что «народ русский, в подавляющем большинстве, православный...» [4. Л. 678].

3. Православие должно иметь преимущества не только потому, что оно есть «религия державной русской нации», но, главным образом, потому, что является религией «существа русской нации, почему, как религия национальная, она и должна являться религией государственной» [3]. Привилегированный статус РПЦ в государстве объяснялся его особой ролью в формировании, воспитании и сохранении русского народа, став его духовным стержнем. Крайне правые подчеркивали, что православие выражает «дух народа, это его святость, перед чем он преклоняется, что он кладет в основу своей политической, общественной и семейной жизни» [5]. Особо эта роль возрастала в тяжелые для страны времена. В-четвертых, православие является фундаментом самодержавно-государственных начал и обеспечивает духовно-идеологическую цельность государства. Крайне правые выдвинули тезис о неразрывной связи православия с русской государственно-стью как важнейшем условии ее существования [6].

С. 153]. Для сохранения самодержавной монархии необходимо было главное историческое условие – православно-социальная и господство христианского (православного) мировоззрения. Для черносотенцев монархия не являлась внешне навязанной формой правления, а возникла как результат христианского воспитания народа. Являя венец усилий нации в утверждении религиозно-нравственного идеала народа, православие сформировало его духовный мир, неотделимый от властипонимания, где ключевую роль играл не столько сам царь, сколько идея царя, раскрывавшаяся в народном сознании понятием «царя-батюшки». Это положение не являлось тайной за семью печатями и для левого лагеря, который в попытках разрушения монархии делал упор на подрыв православного сознания народа.

Требование первенства РПЦ подразумевало восстановление утраченных церковью в результате петровских реформ позиций и усиление ее влияния в государственных делах: «...голос ее должен быть выслушиваем законодательной властью, как было встарь, в величайших государственных вопросах», – говорилось в обращении Русского Собрания, датированном ноябрем 1905 г. [7]. Данное положение было неоднократно подтверждено в других документах, в частности в объединенной избирательной программе на выборах в I и II Думу Союза русского народа [8. Л. 7, 8]. С одной стороны, задача максимум состояла в восстановлении существовавшей до петровских реформ «русской православной монархии» и возвращении к естественным и самобытным формам русской жизни. С другой – задача минимум сводилась к восстановлению охранительно-защитительной функции церкви, преодолению пагубности западного духовного влияния и созданию надежного идеологического заслона на пути внедрения в социальную структуру общества чуждых идей и концепций. Черносотенцы утверждали, что явление космополитической бюрократии и революционных партий было бы невозможно при наличии сильной церковной организации РПЦ во главе с патриархом, игравших роль предохранительного клапана от вредных идеологических воздействий. Петровский абсолютизм, задавивший общественную инициативу (от местного самоуправления до Земского Собора) и низведший церковь до одного из правительственных министерств, подорвал иммунную систему государства и открыл пути для инфицирования общества болезнетворными идеями: «В XVIII в. государственная власть в лице Петра I значительно ослабила церковное влияние на государственную жизнь... не к своей пользе. Правда, министерство духовных дел удобнее сильным своим нравственным авторитетом патриарха. Но в трудную минуту отстоявших во главе такого управления лиц, хотя бы и духовного сана, едва ли можно было ожидать чего-либо большего обычной чиновничьей угодливости и исполнительности», – заявляли крайне правые публицисты [9].

Необходимость восстановления охранительной функции православия актуализировалась в начале XX в. в контексте модернизации и психологической ломки сознания, когда происходящие изменения порождали в людях неуверенность и сомнения. Исходя из консервативных представлений о социальной роли го-

сударства, власть должна была провести подданных подобно «детям» через все идеологические соблазны. Отказ от исполнения патерналистской роли со стороны государства и отдача народа на произвол свободы привела бы к подрыву традиционных ценностей: «Свобода слова и печати привела к тому, что все наше родное, дорогое уничтожается, все русское безнаказанно оскорбляется. Свобода союзов вылилась в свободу союзов злонамеренных людей, ведущих свою разрушительную против государства и общества работу под видом разных обществ. Благодаря свободе личности, эгоизм и самолюбие возросли до небывалых размеров. А свобода действий, как логическое последствие всех предыдущих свобод, превратилась в свободу насилия над жизнью и имуществом ближних. Свобода обратилась в рабство греху!» – возмущалась черносотенная газета «Земщина» [10]. В этих условиях возрастала патерналистская роль государства и церкви. Лишенный патриархальной опеки государства и церкви, оставшись один на один с ловкими сектантскими и католическими миссионерами, народ подвергнется агрессивной пропаганде: «И вот их станут совращать... Что же: ужели не жаль этих погибающих?» [Там же].

Восстановление защитительно-охранительной функции церкви предусматривалось реализовать посредством трех мер. Во-первых, восстановление патриаршества и созыв для этих целей Поместного собора [11. С. 779]. Во-вторых, нейтрализация и всемерное ослабление влияния на церковь государственной бюрократии. В-третьих, усиление влияния церкви во внутривластной жизни государства. Многочисленные съезды крайне правых организаций принимали широкий пакет постановлений, касавшихся конкретизации места и роли РПЦ в структуре государства, оптимизации ее внутреннего устройства и управления. Предлагалось реализовать систему мер по усилению активности РПЦ, в частности по противодействию сектантству и беспрепятственной миссионерской деятельности и публичной проповеди на всей территории Российской империи [3]. Практическая реализация первенства РПЦ включала не только сохранение «установленных преимуществ православной церкви», но их фиксацию (закрепление и всемерное развитие). Черносотенцы считали, что базовые положения российского законодательства должны остаться неизменными: «До сего времени, по нашим законам, только православная церковь имеет право в России распространять свободно свое вероучение; другим же вероисповеданиям сего права не предоставлено» [12]. Необходимость защиты РПЦ признавалась государством, что было юридически закреплено в Ст. 64 Основных законов Российской Империи: «Император яко христианский Государь есть Верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоты и всякого церкви святой благочиния...» [13. Л. 68–85]. Противодействуя либерально-революционному лагерю, черносотенцы жестко выступали против двух обсуждаемых в обществе идей: отделения церкви от государства и свободы вероисповедания, воплощение которых привело бы к потере Россией статуса православной державы, гибели идеократического государства, окончательному умалению положения православной церкви и перерож-

дение русского народа в безнациональную этническую массу. Принцип первенства и государственных преимуществ РПЦ не мог органично сочетаться с либеральной альтернативой «свободы веры», в противовес которой черносотенцы предлагали идею веротерпимости, согласовывавшуюся с концепцией христианского государства. Под веротерпимостью понималось право каждого подданного империи исповедовать любую религию без права религиозной пропаганды или переманивания в свою веру представителей других исповеданий [14].

Законодательство Российской империи о РПЦ как государственной религии, имевшей первенствующее значение, должно было неукоснительно соблюдаться. В первую очередь, самими властными структурами. Черносотенцы настаивали на использовании всей мощи карательного аппарата самодержавия против конкурирующих конфессий: «Либералы нам скажут: вы хотите полицейскими мерами охранять православие? – Да, хотя бы и полицейскими – в том смысле, что вот этих совратителей привлекать к строгой судебной ответственности, не взирая на их вопли о свободе совести» [16]. Крайне правые настаивали на лишении отпадаю-

щих от православия гражданских прав, строгом наказании за пропаганду сектантства и «совращение из православия», запрете сектантских собраний с присутствием на них православных, установлении строгого надзора за сектантской печатью [15]. Жесткость мер обосновывалась не только угрозой существования государства, но души человека: «Простительно и нам, грешным, иногда прибегнуть к власти полицейских, чтоб оберечь простых сердцем овечек Христовых от волков хищных» [12]. Насилие по отношению к разрушителям души человека должно было быть поддержано всем православным сообществом.

Как видим, в рамках присущей консерватизму функции защиты христианских традиций черносотенцы активно продвигали идею восстановления первенствующих позиций РПЦ, укрепления христианского (православного) мировоззрения подданных, преодоления влияния «еретических» социальных учений переустройства мира, которые предлагали реализовать посредством жестких антилиберальных мер. На протяжении всего периода существования черной сотни ее позиции по данному вопросу оставались неизменными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русское знамя*. 1913. 16 марта.
2. Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. (ГОПБ ОРК). Кор. 46/2. N 381/33.
3. *Вече*. 1909. 18 октября.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 116. Оп. 2. Д. 1.
5. *Русское знамя*. 1907. 29 июня.
6. *Прямой путь*. СПб., 1913. Вып. III (март).
7. *Сборник программ политических партий в России* / Под ред. В.В. Водовозова. СПб., 1906. Вып. VI.
8. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 7.
9. *Русское знамя*. 1907. 11 марта.
10. *Земщина*. СПб. 1911. 26 апреля.
11. *Прямой путь*. СПб., 1912. Вып. V (май).
12. *Русское знамя*. 1916. 25 февраля.
13. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1.
14. *Русское знамя*. 1911. 1 мая.
15. *Вестник Союза Русского народа*. СПб., 1912. № 104.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 апреля 2010 г.